

Вопрос “существовал ли Людовик Святой?” не только дает толчок к исследованию, но и несет провоцирующее сомнение в собственной правомочности.

Анализ содержания книги, конкретных интерпретаций, логических построений и выводов должен быть предметом особого обсуждения с точки зрения многочисленных историографических проблем, затронутых автором. И в плане собственной логики текст исследования как таковой достоин стать предметом специального критического изучения.

¹ Первые публикации специально посвященных Людовику Святому исследований Ж. Ле Гоффа появились в начале 80-х годов. В многочисленных статьях и интервью, опубликованных в течение предшествующих изданию монографии лет, ученый так или иначе осветил круг проблем, составивших основу финального труда.

² В библиографических примечаниях к “Введению” (р. 26–27) Ж. Ле Гофф указывает работы, которые, по его мнению, наиболее адекватно отражают необходимость новых подходов к жанру “исторической биографии”: Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. Vol. 62–63, janv. 1986. P. 69–72, Chamboredon J.-C. Le temps de la biographie et les temps de l'histoire // Quotidienneté et histoire: Colloque de l'École normale supérieure. Lyon, Mai 1952 P. 17–29; Проблема исторической биографии как исследовательского жанра стала предметом рассуждения Ж. Ле Гоффа задолго до появления рецензируемого издания

³ Любопытно, что предшествовавшие монографии Ле Гоффа исследования о Людовике Святом неоднократно носили названия типа “Людовик и его время”. См., например Wallon H.-A. Saint Louis et son temps P., 1875. Vol. 1–2; Le siècle de Saint Louis / (éd R. Pernoud) P., 1970; Saint-Denis A. La siècle de Saint Louis. P., 1994.

М.Ю. Парамонова

Gabriele Scheidegger

Perverse Abendland – barbarisches Russland.
Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts
im Schatten kultureller Missverständnisse.
Zürich, 1993.

Авторы имагологических работ используют различные способы создания образа “другого”. Если исследователь рисует этот образ в соответствии с заданной концепцией, рождается образ–иллюзия. Образ–отражение, образ–копия (впрочем, весьма относительная) возникают в том случае, если автор удовлетворяется составлением перечня признаков предмета исследования. Единственно плодотворным представляется анализ взаимных “отражений”, “метод зеркала”, открывающий возможность познания в оппозициях “я”–“другой” и той, и другой стороны. Именно таков подход к изучению представлений друг о друге русских и европейцев XVI–XVII вв. швейцарской исследовательницы Габриэле Шайдеггер. Подобная постановка вопроса, когда в центре размышлений оказывается не

* Слово “европеец” я употребляю здесь для обозначения жителей Западной (латинской) Европы, подобно тому, как автор рецензируемой книги употребляет таким же образом слово “Abendländer”.

только и даже не столько наблюдаемый, сколько наблюдающий, в имагологии не нова. Но в изучении представлений о России "метод зеркала" применяется впервые.

Отказываясь от оценочных суждений, исследовательница ищет в источниках – а это главным образом записки европейцев, побывавших в России (русских источников гораздо меньше – не потому, что не найдены автором, а потому, что Россия в XVI–XVII вв. была столь же "закрытой" страной, как и в годы советской власти, и немногочисленные русские дипломаты, побывавшие на Западе, в кратких донесениях ограничивались сухими, официальными сведениями), – не столько "оценки" (типа "siesind-Aussagen"), сколько описания "ситуаций", конкретных моментов, высвечивающих поведение людей. В этих "ситуациях" автора книги более всего интересуют случаи взаимного непонимания (Missverständnisse), позволяющие выявить различия между культурами.

Отправной точкой своего исследования Г. Шайдеггер считает работы Норберта Элиаса и прежде всего его известную книгу "О процессе цивилизации"¹. Она постоянно возвращается к основным положениям его концепции и использует его частные наблюдения.

Русские люди XVI–XVII вв., "московиты" – варвары. Таков был единодушный вердикт людей западного мира, посетивших Россию в ту эпоху, таково было и мнение западных историков XVIII и XIX вв. Русские не были варварами – таково мнение российских историков XIX и XX вв., стремившихся восстановить "доброе имя" своих соотечественников и объяснить (подчас негодными способами) происхождение негативных оценок в адрес русских. И в западной историографии последних лет также встречаются объяснения подобных оценок внешнеполитическими, конфессиональными причинами, но чаще всего – тем, что Западная Европа в своем развитии ушла далеко вперед, и страшная отсталость России порой просто пугала посетивших ее людей Запада. Например, У. Лишковский в статье о путешествии в Россию А. Олеария в XVII в., помещенной в книге специально посвященной представлениям немцев и русских друг о друге, пишет: «Олеарий не сумел еще (курсив мой. – С.О.) создать убедительную, непротиворечивую и свободную от предубеждений картину русского общества и русской культуры. Он гордится собственной культурой, он пристрастен как протестант и далеко превосходит русских своей ученостью. Все это мешает ему понять "варваров-москвитов" и их образ жизни. Культурный этноцентризм закрывает ему путь к беспристрастной оценке»². Возможны ли вообще "беспристрастные" оценки? Во всяком случае, в книге Г. Шайдеггер суждений, подобных вышеприведенному, мы не найдем.

Исследовательница разделила свою книгу на три части: 1. "Страх и отвращение" ("Scheu und Abscheu"); 2. "Могущество и бессилие" ("Macht und Ohnmacht"); 3. "Вера и суеверия" ("Glaube und Aberglaube"). В первой, самой объемной и, по-видимому, больше всего интересующей автора, она рассматривает проблему чистоты и нечистоты в представлениях европейцев и русских XVI–XVII вв. Здесь собран богатый и весьма колоритный

материал, характеризующий впечатления западных людей о “грязных” русских – об их грязных одежде, жилищах, лице, посуде, об исходящих от них дурных запахах, и недоумение европейцев по поводу того, что при этом русские часто и охотно посещают баню. Европейцам непонятно, что посещение бани – не только гигиеническое мероприятие, но и выполнение правил очищения, связанных с сексуальной сферой.

С другой стороны, записки западных путешественников запечатлели страх русских перед “нечистыми латинянами”, которые пренебрегают необходимыми омовениями, боятся покойников и в то же время решаются на всякие манипуляции с трупами, допускают в свое жилье нечистых животных – собак. В представлениях русских латиняне нечисты, наконец, и потому, что крещены они неправильно, а значит и вообще не крещены. Их не следует пускать в церковь, как не пускают туда беременных женщин, с ними опасно вступать в телесный контакт, садиться за общую трапезу и т.д.

Но что такое чистота и нечистота? – размышляет Г. Шайдеггер. В представлениях и средневековых людей на Западе, и жителей древней Руси нечистота – это хаос. Там, где царит нечистота и нарушается порядок, открывается простор для действия злых сил, человеку грозит опасность. Болезнь и смерть – следствия нечистоты и в то же время ее источник. Господь отделил небо от земли, свет от тьмы, воду от суши, и хаос уступил место порядку и равновесию Вселенной. Эти черты акта творения воспроизводятся в жизни каждого человека, начиная с его появления на свет. Неразделенность, грозящая хаосом, суть нечистота. Очищение – это различение, разделение, отделение чистого от нечистого. Однако схема порядка, который опасно нарушать, во всякой культуре была своя.

Толкуя таким образом понятия чистоты и нечистоты, Г. Шайдеггер рассуждает о том, что разделяло русского и европейца XVI–XVII вв. в понимании чистого и нечистого. “Фарисейские” (такое определение находим у западных наблюдателей) представления русских о нечистоте, строгие правила предосторожности и предписания очищения, по крайней мере во всем, что касалось сексуальной сферы, прежде существовали и на Западе. Но на исходе средних веков, говорит исследовательница, в Европе представления о чистоте начинают меняться. Теологи размышляют: греховны ли телесные выделения? Следует ли считать греховным соитие мужчины и женщины, состоящих в браке? Требуется ли тут специальные очистительные меры? И что такое грех? Прежде его расценивали как нарушение божественного порядка, это касалось равно и души и тела человека. Телесные выделения могли точно так же отдалить человека от Бога, как и злые помыслы или дела. В XII–XIII вв. западные теологи исходят уже из иного понимания греха как осознанного волевого акта. Тело само по себе непричастно к греху, грехом отягощена душа. “Грех” превращается в “вину”. Душа и тело утрачивают единство. Утрачивают смысл и значение внешние меры установления телесной и вообще физической чистоты. “Вину”, связанную с греховным *помыслом*, никакой водой не смоешь.

Как полагает Г. Шайдеггер, отказ от предписаний относительно физической чистоты, составлявших одну из основ традиционной средневековой культуры, стал для западного мира настоящим потрясением. В результате в начале нового времени нарушается существовавший "от века" порядок, мир "трещит по всем швам". Показателем кризиса явилась "охота на ведьм".

Не претендуя на новое исчерпывающее объяснение этого феномена начала нового времени в Западной Европе, автор рассматривает его с точки зрения проблемы чистоты и нечистоты. Не случайно, говорит она, "победное шествие демонов" совпало с тем моментом, когда человеку стало все труднее справляться с собственной греховностью, с душевной нечистотой, когда утрачивались традиционные понятия о чистом и нечистом. Представление о вездесущности дьявола и о группах людей, которых считали "агентами сатаны", приобрело небывалую силу. Среди таких групп одной из самых опасных были женщины. В системе традиционных понятий о чистом и нечистом, тесно связанных с сексуальной сферой, женщина считалась существом нечистым. Во время месячных и в течение 40 дней после родов ей запрещалось посещать церковь; она не должна была прикасаться к священным предметам, дабы не осквернить их. Но с конца XIII в. положение стало постепенно меняться, и в начале нового времени месячные уже не считались выражением исходящей от женщины скрытой опасности и не могли служить аргументом в пользу каких-либо ограничений для них. Однако неопределенное представление о неполноценности женщин и их опасной природе сохранилось. Представление о дьявольской силе телесных выделений отошло в прошлое, зато сам дьявол выступил на передний план.

Ведьма нового времени – это не средневековая колдунья, действующая в одиночку и удовлетворяющаяся наведением порчи. Ведьмы XVI–XVII вв. – связанные с Люцифером члены могущественного сообщества и бороться с ними стало неизмеримо труднее. Особенно беззащитными оказались протестанты: в их распоряжении не было таких "простых" средств, как святая вода или экзорцизм. Страх перед силами зла резко возрос. Требовался новый уровень защиты. Началось преследование ведьм, высшим проявлением которого стали ведовские процессы.

В России "охоты на ведьм", подобной той, что бушевала на Западе, не было. В восточной ортодоксальной церкви понятие греха оставалось прежним, и для православного человека, не пережившего той переориентации сознания, которая произошла на Западе, тело и душа по-прежнему составляли единство. Традиционные нормы чистоты не утратили здесь своего значения. Представления о нечистоте телесных выделений и о нечистоте женщины сохранились, сохранили силу и прежние меры предосторожности и способы защиты, все способы телесного очищения, принятые прежде и на Западе. Они служили не только телу, но и душе, что в известной мере обеспечивало человеку душевное равновесие.

То обстоятельство, что ведьмоomania в XVIII в. пошла на убыль и ведовские процессы прекратились, Г. Шайдеггер связывает не с "просвеще-

нием умов" (весьма, по ее мнению, неопределенной категорией), а с тем, что саморегулирующееся западное сообщество выработало взамен утраченных новые механизмы поддержания чистоты как порядка, восстановившие равновесие и устойчивость.

Опасность, которую прежде возможно было преодолеть очистительными мерами, теперь следовало как бы изолировать, скрыть, попросту "загнать внутрь". Не случайно, полагает исследовательница, конец "охоты на ведьм" по времени совпал с формированием плотной сети правил и предписаний, установивших новые нормы, новые различия, разделения и границы между пристойным и непристойным, между стеснительностью и раскованностью. Они были связаны и с другого рода "разделениями" – индивид отделяется от общества, частная жизнь – от жизни общественной. В повседневной жизни "отделяются" друг от друга лица разного пола и разного возраста; происходит разделение между тем, что остается открытым для всех, о чем можно говорить с другими, и тем, чего не следует делать открыто, о чем не следует даже упоминать. Запретным стало все связанное с сексом. В этом смысле Г. Шайдеггер толкует некоторые впечатления западных путешественников. Европейцев, попавших в Россию, поражал, например, вид совершенно обнаженных мужчин и женщин, вместе купающихся в реке. В особенности шокировало их то, что русские не стеснялись при этом ни лиц противоположного пола, ни детей. Эти впечатления западных наблюдателей, утверждает исследовательница, свидетельствуют о том, что для них, равно как и для их европейских современников, нагота стала сексуальной проблемой. Все это, по мнению автора, – один из аспектов "процесса цивилизации". Обращая особое внимание на "издержки" этого процесса, Г. Шайдеггер рассматривает его сквозь призму "культурных недоразумений".

Границы пристойности и стыдливости в России были совершенно иными, чем на Западе. Сама по себе нагота для русских людей не была чем-то стыдным, что следует скрывать. Они без стеснения раздевались для купанья, мочились, не отворачиваясь. Невозможно считать это наивной невинностью. Ведь раздевание без нужды, совершаемое, к примеру, скороморами на потеху публике, считалось нечистым.

Русских дипломатов, приезжавших в Рим в XVI в., шокировали изображения обнаженных тел на картинах и в скульптурах. Традиции древнерусской живописи были совершенно иными. Не говоря уже о церковной живописи, в древнерусской миниатюре даже фигура языческого бога Зевса изображалась с прикрытыми гениталиями. В лубочных картинках XVII в., при всей "непристойности" подписей, мы не найдем изображения обнаженных тел. Русских послов поразило на Западе и то, что женщины здесь ходят с полуобнаженной грудью и с непокрытыми головами. Несовпадение культурных норм определяло взаимное непонимание и порождало недоразумения, следствием чего подчас были невероятные преувеличения и просто небылицы.

Можно представить себе, как поражало западных путешественников "варварское" поведение "москвитов". Они без стеснения мочатся, плю-

ют, рыгают, пускают ветры и при этом громко хохочут; не избегают телесных контактов, спят вповалку, в одном и том же помещении взрослые и дети, хозяева и слуги. Женщины не стесняются открыто целовать мужчин, а некоторыми правилами это даже предписывается.

На Западе идеалом женщины "из общества" была в это время пассивная, несексуальная особа, стесняющаяся даже своего обнаженного тела и потому купающаяся в одежде, заботящаяся о своей женской чести, воплощенной в невинности. С удивлением пишут европейцы о русских женщинах, представляющихся им излишне активными и даже агрессивными, не имеющими понятия о женской стыдливости и женской чести. Впрочем, выражает сомнение автор книги, были ли искренними гнев западных наблюдателей по адресу обнаженных купальщиц и недоумение по поводу готовности русских женщин к сближению? Многие описания обнаруживают неподдельный интерес и оттенок тоскливого чувства, связанного, по-видимому, с ограничениями у себя дома. Согласно Элиасу, именно это чувство порождает "агрессивную и угрожающую строгость" как реакцию на некую угрозу порядку.

Полное несовпадение норм на Западе и в России обнаруживается в отношении к тому, что в немецком языке в отличие от понятия *Reinheit* (чистота) в начале нового времени стали обозначать словом *Reinlichkeit* (чистоплотность). На Западе чистоплотность стала социальной нормой, хотя купания здесь начали сходить на нет, отчасти потому, что с ужесточением границ пристойного телесное обнажение представляется неприличным и даже безнравственным. К тому же, распространилось мнение, что мыться вообще вредно, поскольку вода и воздух являются источниками заразы. Купанье, обмывание всего тела было заменено "сухим туалетом", доступным только состоятельным людям — обтиранием ароматическими веществами, опрыскиванием духами, ежедневной сменой белья. Для предохранения от заразы стали носить плотно облегающую одежду, которая должна была служить для организма дополнительным защитным слоем.

В России все было не так: здесь часто мылись, не носили белья, платье было свободным; здесь ели чеснок и соленую рыбу, рождавшие запахи, невыносимые для европейцев и даже представляющиеся им опасными. Западные посетители России потешались над тем, что "московиты" смешивали физическую и духовную чистоту; их забавляло примитивное, с точки зрения европейца, убеждение русских, что мыться следует из религиозных соображений.

Подытоживая все сказанное по проблеме чистоты и нечистоты, Г. Шайдеггер утверждает, что отказ от традиционных норм различения и разделения чистого и нечистого породил на Западе совершенно новое "коллективное самоощущение". Общество было охвачено неуверенностью; казалось, что опасность грозит со всех сторон и источником реальной опасности представлялся всякий человек. Что касается России, то, в отличие от Запады, здесь как общественный организм, так и человеческое тело в единстве с душой казались более или менее неуязвимыми.

Опасности угрожали человеку и здесь, но он знал, как с ними бороться; в его распоряжении было надежное средство защиты – очищение, позволяющее восстановить чистоту и возможность общения с Богом и миром.

Во второй части книги Г. Шайдеггер анализирует социальные различия и социальные разделения в русском и западноевропейском обществах XVI–XVII вв., ролевое поведение власть имущих и подчиненных им людей и показывает, что и в этой области различия в культурных нормах на Западе и в России делали “культурные недоразумения” неизбежными.

Опираясь на работы Н. Элнаса, показавшего, как в ходе “процесса цивилизации” традиционные христианские добродетели – смирение, воздержанность, постоянство – были заменены чисто внешними поведенческими нормами и жестким самоконтролем, исследовательница отмечает, что русские, не имевшие понятия об этих нормах, не могли не показаться западным путешественникам странными, дикими существами. Все в поведении русских вызывало у европейцев иронию и опасения. Воспитанный человек не должен открыто проявлять своих чувств. Русские не умели и не считали нужным их сдерживать. Во время приема у папы Римского разгневанный русский посол больно пнул ногой своего переводчика. Тишайший царь Алексей Михайлович в присутствии иностранцев мог ударить боярина. Русские громко смеялись или, напротив, не стеснялись проливать обильные слезы.

На Западе люди “из общества” учились обуздывать проявления собственной жадности, а на “каналий”, не умевших это делать, смотрели с презрением. Когда Лжедмитрий бросал в толпу золотые монеты, русские бояре кидались их поднимать, а польский шляхтич страхнул с поля своей шляпы те, что на нее упали. Русские проявляли неумеренность в еде и питье, хватали лучшие куски, к тому же вообще не умели прилично вести себя за столом.

Все движения и жесты европейцев были тщательно выверены. Танцевальный класс был обязательной частью воспитания. В России же мало кто умел танцевать, предпочитая любоваться искусством специально обученной челяди, а тех, кто пытался танцевать, европейцы неизменно сравнивали с медведями. Походка русского человека была тяжелой, движения неловкими; русские без стеснения садились или даже ложились в самых неподходящих ситуациях.

В Европе к новейшим добродетелям придворного кавалера и воспитанной дамы принадлежало искусство разговора. Среди прочего манера говорить служила средством отделения высших слоев от простонародья. Грубая, без риторических украшений русская речь, одинаковая у бояр и у простых людей, неумение выбрать предмет беседы и привычка рассказывать неприличные истории шокировали иностранцев. Русские дипломаты на Западе произносили официальную, чаще всего заранее написанную “речь”, а в дальнейшем разговоре вели себя вольно, не задумываясь ни над выбором темы, ни над манерой говорить. Они не знали искусства комплимента, и тонкая вежливость иностранцев была им непонятна.

В западном обществе не принято было браниться, хотя запреты и не были слишком строгими. Грубые слова можно было услышать и там. Но то, что слышали европейцы в России, повергало их в изумление. А. Оле-

арий, оговорившись, что если бы не научные задачи его "исторического сообщения", он не решился бы оскорбить воспитанных соотечественников, воспроизводит латиницей матерную брань, слышанную в России, с удивлением замечая, что этими странными выражениями обмениваются все, независимо от пола и возраста.

Хотя гордыня считалась одним из семи смертных грехов, высокомерное поведение людей из высших слоев на Западе было обычным и служило признаком социальной принадлежности и способом демонстрации силы и власти. Между тем в записях западных путешественников в перечне пороков русских людей высокомерие занимает не последнее место. Европейцев оскорбляло то, что русские подчеркивали превосходство своего царя над всеми другими и, неумеренно его восхваляя, готовы были унижить любого европейского властителя, оскорбив и его послов. Желая продемонстрировать величие своего царя и подчеркнуть свое собственное значение, они заставляли послов часами, а то и неделями дожидаться царской аудиенции. Европейцев раздражало и сочетание высокомерия с подобострастием. Характеристика "рабской" натуры русских, в особенности представителей знати, была стереотипом.

Западные нормы предполагали сдержанность во всем; на низостоящих следовало смотреть свысока, но при этом соблюдать некоторую вежливость. Подобострастие по отношению к тем, кто стоит выше на социальной лестнице, считалось позорным. Отсюда и упреки в адрес москвитов — не столько в гордости и высокомерии как таковых, сколько в *грубом* высокомерии, в несоблюдении меры. На Западе содержание и форма поведения представлялись разными вещами; к примеру, выражение "покорный слуга" вовсе не имело буквального смысла. Ничего не значащие льстивые фразы были не более чем элементом западной учтивости. Оказывая честь собеседнику, европеец хвалил его, льстил ему. Русские интерпретировали западную вежливость как признак слабости. В свою очередь европейцы, не понимая, что в России оказание чести требовало самоуничтожения, часто именно это расценивали как раболепие.

Итак, подводит итог Г. Шайдеггер, попытки судить о русских по меркам, принятым в Западной Европе, приводили к множеству "культурных недоразумений". Но поведение русских, пишет она, можно считать более "нормальным", ибо во всех своих проявлениях они были спонтанны, естественны и непосредственны. Смещение шкалы ценностей в Западной Европе в начале нового времени привело ее жителей к внутреннему разладу. Они не говорили того, что думали, и говорили не то, что думали. Их требование сдержанности в поведении, вежливость были, в сущности, лицемерием. Если принять эту точку зрения, то мнения европейцев об "азиатских" формах вежливости и вообще поведения москвитов могут служить лишь материалом для размышления о нормах поведения на Западе. Такая позиция позволяет Г. Шайдеггер поставить вопрос не об "отсталости" России, а об "особом пути" (Sonderweg) Западной Европы. Этот вопрос не раз встает перед автором книги и читателем в третьей части рецензируемой книги, где речь идет о вере и суевериях на Западе и в России, а

также о европейских представлениях об образованности. Эти представления западные наблюдатели в качестве мерки прилагали к варварам-московитам, не владевшим начатками рационалистических знаний, распространившихся в Европе. Европейцы и московиты, подчеркивает Г. Шайдеггер, обвиняли друг друга в суеверии и исходили при этом из одинаковых для обеих сторон постулатов христианской веры, из представления о том, что исходным и конечным пунктом мироздания и жизни является Бог. Но на Западе в секуляризованном сознании человека олицетворенное в Творце единство макрокосма природы и микрокосма отдельного человека начало распадаться; представление о мироздании во главе с Господом уступает место ориентации на центральную роль человека. Окружающий мир был измерен и вычислен. Но за триумф рационализма люди заплатили душевным разладом: европеец с величайшим трудом мог примирить то, что он “знал”, с тем, во что он традиционно “верил”. Русским же знания европейцев представлялись опасным суеверием.

Обилие “ситуаций”, собранных и проанализированных Г. Шайдеггер, составляет очень привлекательную черту ее книги. Читатель получает множество сведений о повседневной жизни русских людей в XVI–XVII вв. Но, похоже, главная мысль, пронизывающая книгу и составляющая суть авторской концепции, касается все же не русской культуры, а культуры Западной Европы. Это мысль о ментальном кризисе западного общества в начале нового времени, распаде прежних единств, пересмотре ценностных ориентаций, смещении разного рода границ и разделений; кризиса, породившего в ту пору неуверенность и нестабильность.

Мысль эта не нова. Но подход к изучению этого кризиса представляется новым – исследование “своего” через “чужое”, сопоставление культур, позволяющее сделать выводы относительно каждой из них на основании отражений в другой. Ново и то, что Г. Шайдеггер отказывается от традиционного принятия за точку отсчета западных моделей, когда все остальное считается “отклонением” от нормы или “отставанием”. Она предлагает считать моделью для сравнения ментальность русских людей, не переживших тех кризисных моментов, которые обрушились на европейцев. Тогда “отсталость” можно понимать как верность традициям, как естественное продолжение прежнего. Тогда открывается новый взгляд на “кризис Запада” в начале нового времени. То, что историки и поныне считают “нормальным” и даже “правильным”, теряет статус само собой разумеющегося и многое выглядит как инверсия или даже “перверсия” прежнего, традиционного, естественного.

Историки (и не только историки) часто говорят об “особом пути” России. Но, по мнению исследовательницы, столь же оправдан и противоположный взгляд, “взгляд из русской культуры”, предполагающий, что, напротив, путь Западной Европы в начале нового времени был “особым случаем”. И тот рывок, который насильственным образом осуществил Петр I, открывший своей стране путь к западной культуре (просвещенные европейцы вздохнули с облегчением: “упрямые московиты” признали, наконец, ее превосходство), невозможно оценивать однозначно. Как и

“процесс цивилизации” вообще, он имел свои издержки. Одна из них, пишет Г. Шайдеггер, состоит в том, что на протяжении последующих столетий русских мучило (а, может быть, мучает и поныне) то латентное, то выражаемое открыто ощущение неполноценности.

Между тем все то, что терзало европейцев в начале нового времени (утрата ощущения нерушимости мирового порядка, невозможность дать выход аффектам и внутренней агрессии, необходимость сдерживать естественные реакции, вынужденное лицемерие) можно расценить как извращение человеческой природы. В России XVI–XVII вв. жизнь, конечно, была нелегка – голод, болезни, войны, насилие преследовали и русских тоже, но того душевно-го разлада, который мучил европейцев, здесь не было.

Нет смысла толковать о неточностях, допущенных автором книги в мелочах, касающихся деталей русской жизни. Отмечу лишь одно. Г. Шайдеггер сосредоточивает внимание на “культурных недоразумениях” и объясняет их исключительно несопадением культурных норм. Но представления друг о друге европейцев и русских диктовались не только этим. Немецкий историк А. Каппелер полагает, например, что представления о русских в Германии в конце XVI в. определялись в основном впечатлениями Ливонской войны, сливавшимися с воспоминаниями о войне с турками, а также сведениями и слухами о царе Иване Грозном. В немецких брошюрах эпохи Ливонской войны образ русского “варвара” как бы слился с образом жестокого, кровожадного турка той эпохи, когда турки напали на империю и в 1529 г. осадили Вену. На немецких гравюрах второй половины XVI в. русских часто изображали в турецкой одежде, и лица их напоминали турок. Варвары-москвиты как бы слились с турками в едином образе “смертельного врага всего христианского мира”. Позже, вплоть до Петра I, отмечает Каппелер, представления о русских в Германии в значительной мере определял страшный образ Ивана Грозного. Да и 200 лет спустя этот царь оставался для немцев чуть ли не единственной значительной фигурой русской истории³.

Начиная свою книгу, Г. Шайдеггер призывает в сравнительном изучении истории культур отказаться от имманентно присущей мышлению человека как существа, изменяющегося во времени, имеющего начало и конец, ориентации на линейно-временные категории, ибо противопоставление понятий “раньше”–“позже” у историков чаще всего приобретает оттенок “примитивный, отсталый”–“развитой, передовой”. В сущности, это призыв к беспристрастности. Но исследовательнице не удастся избежать ангажированности; в данном случае это ангажированность временем, эпохой. Размышления об издержках “процесса цивилизации”, равно как и попытка взглянуть на этот процесс “из России” той эпохи, когда та еще не была европеизирована – это взгляд человека, живущего в эпоху кризиса конца XX столетия, познавшего новые страшные издержки “процесса цивилизации”, с особой силой обнаружившиеся и осознанные в наше время. Это отнюдь не упрек, а лишь подтверждение того, что сознанию историка не дано выйти за пределы своего времени.

- ¹ *Elias N* Über den Prozess Zivilisation Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen Bern, 1969 Bd 1-2 Употребляя в дальнейшем выражение "процесс цивилизации", я, следуя за автором рецензируемой работы, имею в виду понятие, введенное в научный оборот Н Элиасом
- ² *Russen und Russland aus deutscher Sicht 9-17 Jahrhunderts* München, 1988 S 244 Эта книга - 1-й том многотомного издания "Западно-восточные отражения", осуществлявшегося под руководством Л З Копелева В настоящее время вышли в свет 6 томов
- ³ *Kappeler A* Die deutsche Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur 16 Jahrhunderts // *Russen und Russland aus deutscher Sicht 9-17 Jahrhunderts* München, 1988 S 173-182

М.Ю. Парамонова

"НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ИСТОРИЯ":
АРГУМЕНТ В СПОРЕ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ?

Заметки о книге А. Деманда и не только о ней

«Несостоявшаяся история. Трактат о вопросе, "что было бы, если бы...?"» – таково название книги, с которой выступил известный немецкий антиковед Александр Деманд¹ Само название, как и стоящее за ним обозначение проблемы и предмета исследования кажутся риторическим оксюмороном и логическим противоречием. В них осуществляется инверсия традиционного предмета исторического рассуждения, который нуждается в так или иначе осуществившемся, реальном прошлом.

Тема предпринимаемого А. Демандом исследования скрывает в себе возможность ограничить его чистой и беспочвенной спекуляцией. Парадоксальность и спекулятивность работы не только осознаются автором, но, по видимому, специально и даже нарочито им подчеркиваются. Однако стоящее за этим стремление к своеобразному бунту против профессиональной конвенциональности носит, скорее, внешне демонстративный характер и не направлено, как кажется, на "разрушение устоев" профессиональной науки Целью исследования как раз и является выяснение эвристической значимости и научно-логических пределов рассуждения о "реальной" и "возможной" истории. Важным мотивом всей работы кажется защита права историка на умозрительное рассуждение и воображение. С точки зрения Деманда, ана-

¹ *Demandt A* Ungeschehene Geschichte Ein Traktat über die Frage was wäre geschehen, wenn ? 2 bearb Aufl Göttingen, 1986 Обсуждение этой работы см в откликах и рецензиях на первое издание *Gunther J* Was wäre geschehen, wenn ? // *Der Tagesspiegel* 1984 18 Nov, *Baring A* Vielleicht waren wir alle Buddhisten // *Die Zeit* 1985, 29 März, а также *Tellenbach G* "Ungeschehene Geschichte" und ihre heuristische Funktion // *Historische Zeitschrift* 1994 Bd 258, H 2 S 297-316 Ссылки на работу А Деманда даются в тексте по указанному изданию